

ТРУД И ТАЛАНТ

Беседа с писателем Леонидом Леоновым

Наш корреспондент побывал у Л. Леонова и задал ряд вопросов, связанных с проблемами современной драматургии и театра. Мы публикуем запись беседы.

— Что, на ваш взгляд, особенно важно для успешного развития нашего театра?

— Судя по моим успехам на театре, я не считаю себя особо удачливым драматургом, поэтому весьма ценю юмор, заключенный в вашем обращении.

Мне кажется, что у нашего театра все еще имеются впереди значительные высоты, на которые ему стоило бы подняться, тем более, что, как видно из многочисленных отзывов в газетах, для этого у него имеется и воля, и необходимость. Судя по тем же рецензиям, зритель явно ропщет на давно замечаемую периодическую повторяемость сюжетов, конфликтов и больше всего — на участвовавшие оживленные махания руками в театральных дискуссиях иногда даже по невыясненным поводам. Видимо, больше всего недоволен наш зритель мелкотемьем. Может быть, для диагноза это наиболее пригодное слово: оно достаточно выражает возникающую время от времени растерянность у наших театральных деятелей. И правда, непозволительно часто пьесы пишутся по поводу явно недостаточному, скажем, — неоплаченной во время жировки или же о зонтике, похищенном у товарища, с которым герой связан тыловыми воспоминаниями военных лет, либо славными днями трудового отпуска на курорте. Иногда все это вызывает законное недоумение у нашего народа, совершившего на перегоне одного поколения гигантский исторический, к слову — отмеченный очень сильными переживаниями переход. И действительно, мы поразительно мало еще вглядываемся в светлое будущее, в которое уже вступаем, недостаточно осмысливаем и уже происшедшее. В то время, как буквально горы неиспользованного опыта, залежи памяти, бесценного душевного материала лежат под рукой у драматургии, никак не обобщенные, никак не использованные. Между тем как раз именно этим несоизмеримым душевным богатством и историческим опытом западно отличаются наши зритель и театр от Запада.

Все это очень серьезные темы для раздумий. Искусство есть такая сторона народной жизни, без которой народ просто не может жить сегодня — это его повседневная, естественная потребность: осмысление великого пройденного пути. И поэтому всем нам на искусство следовало бы смотреть серьезнее.

Глубоко верю, что на предстоящем пленуме деятели театра и драматургии совместными усилиями разберутся, что там к чему и чего не хватает нашему театру для подъема на очередную высоту.

— Как вы относитесь к возникшим в нашей дискуссии спорам о конфликте?

— Стоило бы сказать, что особенно вредны для театров в наше время разговоры о том, что наш герой уже достиг той предельной чистоты, — такой порою кристальной прозрачности, что он временами как бы перестает быть видимым в нашей действительности. В этом пункте и сказывается незнакомство с жизнью именно в наше время, когда наиболее страстно, вплотную схватываются новое и старое, доброе и злое. Я лично подозреваю, что в утверждении, будто конфликты кончились, заключено просто неумение (если не беспринципность) утверждающих сие лиц ухватить, начертить, взять в рамки точных психологических формул происходящие ныне душевные процессы, сложнейшие психологические диффузии. Все дело в том, что мы уходим из вчерашней тесной арифметики, которою зачастую мерились действительность, куда-то в пространство огромных чисел и больших — потому что итоговых — мыслей. Мне кажется, никогда с такой ясностью не становилось очевидным положение, что в наши дни литература (в том числе и драматургия) все-таки есть искусство и средство мышления, исторического осмысления вчерашнего и нынешнего, всего пережитого, в первую очередь.

В нашей молодой истории нам немало приходилось работать в невыразимо трудных условиях, по пояс в грязи, при сорокаградусном морозе, немало приходилось терпеть из-за нехватки того или другого, радоваться или получать серьезные огорчения — от неумелости нашей, от своей собственной исторической неопытности... Но никогда с такой остротой не было у нас потребности думать, осмысливать свой путь в завтра, — правда, ведь!

И всегда братья лишь за самую трудную, единственную среди тысяч — тему, ради которой не жалко ни чернил, ни времени, ни потраченного жара души. Хорошие дети рождаются только от любимой жены.

Я во время своей недавней поездки говорил американцам, что они крайне поверхностно воспринимают нашу действительность. Они еще осведомлены порой о каких-то подробностях, но что, в сущности, происходит, ради чего, почему, с каким выделением душевных калорий, они не понимают.

Они берут на себя порой завидную смелость, сидя за ленчем в покойных комфортабельных креслах, судить о деяниях и переживаниях великого народа, который осуществляет буквально всемирный, исторический подвиг, — причем, как это ясно видно из многочисленных современных событий, не только для себя одного.

Я думаю, современный писатель, даже если он по своей конституции и склонен к веселью, не должен по всякому поводу исполнять оптимистический гопак. Боль или радость, или сомнение должны существовать в палитре художника, только им положено быть ясными, очищенными от обывательщины, без удушаше-серого колорита потребительской философии. Чистые полупроводники возникают после долгих перегонов в вакууме, они — продукт и следствие долгих, точных и энергоемких процессов. Говорят, если на 10 миллионов атомов попадает один атом другого вещества, то полупроводник не пригоден к употреблению.

Кстати говоря, самая терминология этого абзаца вызывает некоторые мысли. Наша научная молодежь, по отзывам осведомленных лиц, работает в физике четко, великолепно, на высочайшем уровне сегодняшнего дня. Чего, мне кажется, не скажешь об определенной части наших художников слова, которые действуют все еще по старинке и пользуются словесным искусством — этим тончайшим средством общения с современниками, — как домброй об одной струне. Поэтому-то и возникает вдруг такой вопрос: **нужно ли искусство!** — который поднимают у нас кибернетик Полетаев и в Англии Чарльз Сноу. Мне кажется, что технологически литературе и поэзии не плохо было бы подтянуться, чтобы в дальнейшем не иметь еще больших огорчений от книготорга и ВУОПа.

— Вы считаете, что разговор о роли искусства и спор с Полетаевым — явление, которые должны встревожить писателя?

— Этот разговор об искусстве, по моему мнению, очень своевременный и невероятно существенный разговор. Ра-

зумеется, без Леонардо да Винчи, без Чайковского, без Чехова, без Равеля человечеству жить нельзя, оно должно тогда превратиться, говоря кратко, черт знает во что. Но, повторяю, предостережение «физиков» — весьма строгая острота в нашу сторону, в сторону художников слова. Они ушли дальше нашего, они уже научились ощупывать почти не существующие для нас, грешных, вещи, которые плоскогубцами просто не ухватишь. Они пальцами ума давно ощупывают какие-то стоящие на горизонтах будущего знания мю-мезоны, а мы порой даже не можем скомпоновать, толком причесть простоволосую, в десяти полновесных томах «хронику-эпопею».

Театральная пьеса должна действовать точно, как хороший часовой механизм, быть компактна, как удар боксера. И тут о композиции. Я сравнил бы композицию с упаковкой, причем в искусстве это так же важно, как правильно сложить, упаковать парашют перед прыжком, без чего можно преждевременно подвергнуться кремации.

У нас мало, до прискорбия бедно рассуждают о технологии нашего словесного ремесла. А пора бы!

Различие жанров определяется просто листажом: что потоньше — то роман, что потоньше — новелла. Я взялся бы утверждать, что произведение можно приравнять к семени, которое, падая в благожелательную почву — душу зрителя и читателя, должно прорасти и вызвать к жизни именно то событие, ради которого написана пьеса. Любое семечко, даже еле видимая глазом спора папоротника — это предел бесконечно экономной, умной, расчетливой упаковки, причем в сотой грамма этого подсушенного маслянистого вещества заключен весь будущий облик столетнего раскидистого дерева — даже с характерным именно для этой породы шумом ветвей.

— Но ведь ходом в совершенстве овладеть всеми видами, всей драматургической техникой — и все же ни на шаг не приблизиться к полярностям «электронным» высотам?

— ...Разумеется, в конечном счете все зависит от масштаба дарования, от ума и гражданственности художника: иной и хотел бы летать, но не может — покрой крыльев не позволяет!

Почаще бы задумываться! Почему все же так хорош «Ревизор»? Потому ли только, что автор не покладая рук столь выпукло отображает отрицательные, глубоко неprogressивные стороны николаевского режима, в корне разоблачая его гнилых представителей? А может, есть там еще какая-то сила, еще нечто, могущее воздействующее на человеческую душу, способное доставить бессмертие произведению вчера еще безвестного автора. Мне хочется этим под-

черкнуть значение иных средств художественного воздействия, которые формулы читательскую и зрительскую душу, незаметно для них — действуют наперекор, не вызывая боли и раздражения.

И нельзя же, братцы, все сводить, в сущности, к одной теме.

Опять же нельзя безнаказанно снимать «святость» искусства, утверждать, что здесь всякий может, если подналечь. Полагаю, что неверно это (из-за этого уже имеется множество загубленных графоманским недугом жизней!). Не всякий может в искусстве так же, как не всякий может в хирургии, или в цирке, или в сложном и великолепно ремесле верхолаза. Для этого нужны призвание, талант, для этого нужна громадная подготовительная работа. Требуется много учиться для того, чтобы занести нож над лежащим пациентом или сваривать железо на стометровой высоте. Кроме так называемого упорного труда, нужна особая специальная вещь, называемая талантом.

И не следует огорчаться этим, ибо в стране нашей все призвания и должности одинаково почетны; требуется лишь, чтобы человек работал на полные сто процентов душевной отдачи. Лично мне более приятен водопроводчик первой категории, чем эссеист шестой. Из этого вовсе не вытекает, что артисту слова дозволено, подобно соловью, петь, положась на одно природное вдохновение. Больше того, после упоминания о блеске или о неблесе авторского дарования следовало бы любое произведение искусства непременно оценивать по количеству затраченного труда, как это делается во всех прочих отраслях трудовой деятельности в нашей стране. И нужно особенно жестоко говорить об отсутствии труда при обсуждении каждого неудачного произведения искусства. Мне кажется безнравственным, когда актеры дописывают драматургическое произведение, а гонорар выплачивается одному вдохновенному творцу.

Словом, мне представляется, что многие авторы при тех же картах, при наличии того же дарования могли бы играть гораздо лучше, если бы потратили на это дело больше времени и, как говорят, крови сердца. А сверх того, постарались бы перед осуществлением книги или пьесы всесторонне осмыслить взятое литературой задание, в том числе и технологически, вычертить несколько кривых, по которым развивается действие.

Я считаю, что так вот и получается иной раз вредное кольцо: торопливый драматург делает недоброкачественные опысы, которые, будучи проведены через душу актера, портят тонкие реле, которыми тот работает. Если в дорогую машину, которая работает, скажем, на эфире, налить среднего качества керосин, она станет чихать, кашлять и может стать вообще непригодной для употребления на театре.

В свою очередь плохая пьеса, исполненная плохим актером, портит, засоряет ду-

шу зрителя. Вдобавок необходимо учитывать бесконечный вред, который может принести иногда слишком и по разным причинам благожелательная пресса. И зритель тогда вообще перестает разбираться, что в искусстве плохо и что хорошо.

Мне хочется привести маленький пример. В Малом театре до войны шла моя пьеса «Волк». Я не берусь дать ей оценку, но одна сцена, на мой взгляд, мне в какой-то мере удалась. Во втором акте на кухне большого советского зажиточного дома встречаются две старухи: бабушка невесты и мать жениха. Они церемонно знакомятся, чинятся своей родней и вдруг узнают друг друга: когда-то они были подруги, одна — белошвейка, другая — кухарка, вместе хлебнули прежней рабочей житухи, а дети их при Советской власти нашли свою большую дорогу. Эту сцену со слезой и дрожью, божественно играли милые моему сердцу старухи — Рыжова и Массалитинова. Это был такой концерт, что я, хоть сам писал текст, когда смотрел, то мурашки шли по коже. Так чудесно было!

На одном из спектаклей весь акт апереди меня сидела приглашенная в директорскую ложу нарядная заводская молодежь: две девушки и двое молодых парней. Переживали они весь акт невероятно. И я думал: как они тепею будут хлопать — ладоши отбьют, потому что это и есть та эмоциональная заразительность, в сущности, тот редко встречающийся товар, который вырабатывается театром и оплачивается аплодисментами зрителя, восторженным стоянием у рампы, бурными вызовами.

Кончился акт, они сделали два хлопка и пошли в буфет.

Я остался в раздумье: в чем дело? И только минут через сорок я догадался. Они не были приучены к пониманию того, что же есть подлинное искусство. Да, почитать азбуку, воздух искусства, их просто-напросто не научили.

Не научили радоваться закату, заре, птичьему щебету, весне. Или полюбоваться на крохотку творческую радость, с какой девочка из песочка складывает игрушки и смеется... Для иных это вроде как тратить время на сущие пустяки.

Вот в чем дело...

Впрочем, зритель все же сам раскусывает, что хорошо, что плохо, и это меня радует. Это показывает, что в народе есть громадное стихийное чутье прекрасного. В большом народе, в великом народе всегда имеется могучее историческое ощущение всего, что происходит в жизни и в искусстве. То, что зритель порой не ходит в театр или не покупает иных книг — это толчок мозгам для нашего брата: соображать надоть, в чем тут дело!

Я верю, что в конце концов все это наладится. Но, как всегда, чтобы из хаоса, из первородного сырья жизни получился высококачественный продукт, называемый искусством, в а т р о м в том числе, надо усиленно приложить к нему не только чернила и часть своего досуга, но также и ум и сердце.